

Марина
СЕРОВА

СТРАСТИ
оперной дивы

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Страсти оперной дивы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Страсти оперной дивы / М. С. Серова — «Эксмо»,
2016 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-87259-6

В Тарасов приезжает настоящая знаменитость – исполнительница романсов Изольда Измайлова, и для ее временной охраны директор театра, в котором должны состояться концерты певицы, нанимает профессионального телохранителя Евгению Охотникову. И хотя изначально Жене кажется, что охранять Измайлову не обязательно, вскоре она убеждается в том, что отработать свой гонорар ей придется по полной. С первых шагов Изольды по Тарасову на нее начинают сыпаться крупные неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87259-6

© Серова М. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1	6
2	18
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

Страсти оперной дивы

© Серова М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

1

– Измайлова приезжает... – мечтательно говорила тетя Мила, глядя в газету.

После завтрака она отправилась «побродить» и на этот раз вместо зелени и фруктов вернулась с уловом свежей прессы.

– Кто? – небрежно переспросила я.

– Ну как же! Как же можно не знать?! Самая знаменитая наша землячка.

– Правда? И чем она знаменита?

– Евгения, это невыносимо! До такой степени не интересоваться землячками... Изольда Измайлова, всероссийская... почти мировая знаменитость. Она исполняет романсы и...

– Романсы? Какая скука...

– Евгения!!

– Все-все, тетушка, молчу. Романсы – это круто.

– Вот именно – круто. Никто не делает этого так, как она. Сохраняя весь колорит старинной музыки, придать произведению современный, живой и динамичный характер, исполнить его так, что в восторге – все до единого, и стар и млад... Необычайно талантливая женщина! Ее стилизации изумительны, и представь – она все делает сама. Плюс постоянные гастроли. Как только успевает...

Прочувствованная речь тетушки яснее ясного намекала на то, что, если я принесу в клювике билетик на концерт этой Изольды, счастьем ее не будет предела.

Что ж, нужно попробовать. Если тетя Мила такая фанатка этой певицы, почему бы не порадовать ее? Кто там у меня есть из этой сферы в друзьях?

Я взяла трубку, чтобы просмотреть список контактов, но не успела. Экран загорелся, и раздался звонок. Номер был незнакомым, и я ответила несколько настороженно:

– Аллю?

– Э-э-э... добрый день, – послышался приятный баритон. – Это Евгения... Евгения Охотникова?

– Да, слушаю вас.

– Вас беспокоят из оперного театра. Я...

– Откуда?! – Изумлению моему не было предела.

– Из оперного театра, – повторил баритон. – Я – администратор. У меня к вам... дело. Видите ли... скоро в Тарасов приезжает Изольда Измайлова, довольно знаменитая певица, и одно из ее требований – предоставление телохранителя. Театр не располагает такими штатными единицами; признаюсь, вначале я даже несколько растерялся... Но потом навел справки... В общем, знакомые помогли. Порасспросили в нужных кругах, и вот в результате у меня оказался ваш номер. Как вы отнесетесь к предложению провести несколько дней в обществе капризной звезды?

Баритон пытался шутить, но в интонациях слышалось беспокойство, похоже, он и правда боялся, что я могу отказать. Он ведь не знал, какой это шанс для тети Милы.

– Отнесусь с удовольствием! – бодро проговорила я, уже прикидывая в уме, какие места забронировать мне в виде бонуса для тети и ее подруг.

– Уф-ф... – облегченно выдохнул баритон. – Просто гора с плеч! Вы не представляете... Да, кстати, я не представился – Иосиф Вениаминович... Иосиф Вениаминович Рацкевич.

– Очень приятно.

– Так вот, вы не представляете, Евгения, как я намучился с этими поисками! Кого искать? Где? Обычных охранников из магазина? Но это совсем другая специфика... Да и к тому же... кто их знает, как их там воспитывали. А Измайлова – дива с характером, знает себе цену. Ну, то есть... я хотел сказать...

Баритон снова зазвучал испуганно, и я поспешила ему помочь:

– Вы хотели сказать, что у звезд свои причуды, правильно?

– Ну, в общем... да. Но вы...

– Но я не вижу в этом ничего страшного. В конце концов, ведь не на всю жизнь буду я к ней приставлена...

– О, нет-нет! Конечно же нет! Гастроли продлятся всего неделю. День приезда, репетиция, четыре концерта и отъезд. – Баритон пытался звучать бодро, но интонации выдавали мысль – «как бы самому выдержать».

– Ну вот и прекрасно, – все так же радостно и ободряюще проговорила я. – Неделя – пустяки. Как-нибудь выдержу.

– Очень хорошо! Отлично! Вы просто освободили меня сейчас от огромнейшей головной боли. Когда вы сможете подъехать, чтобы заключить договор?

Мы договорились с испуганным администратором, что подъеду я завтра утром, после чего с чувством глубокого удовлетворения я нажала на сброс, радуясь, что уже не придется никого искать. Удача сама плыла в руки.

– Ну, тетя Мила, пляши!

– Что такое? Новый клиент? Это по работе тебе сейчас звонили? Не знаю, чему мне радоваться. Такая работа...

– Такая работа – самый короткий путь в первый ряд на концерт твоей любимой певицы.

– Как это?

– А вот так! Знаешь, кто мне сейчас звонил? Администратор из оперного театра...

– Подожди... там ведь как раз будут проходить выступления...

– Вот именно! И чтобы все прошло без сучка и задоринки, твоя дива желает, чтобы ее личную безопасность обеспечивал опытный специалист. То есть – я.

– Ах, Женечка... – От радости тетя не находила слов. – Это такое... это такой... это такая удача! Я просто... просто поверить не могу. Но как же... почему они обратились именно к тебе? Это ведь... это настоящий эксклюзив. Эксклюзивный случай...

– Иосиф Вениаминович сказал, что вышел на меня через каких-то знакомых в «нужных кругах».

– Кто? Какой еще Вениаминович? Кто это?

– Администратор. Тот самый, с которым я сейчас разговаривала. По-видимому, он занимается всеми организационными вопросами гастролей, вот и мучается, бедный. Завтра я еду подписывать договор и, так уж и быть, выговорю для тебя местечко в первом ряду.

– Ах, Женечка... Я просто поверить не могу! Сидеть практически рядом со сценой на концерте самой Измайловой! Там билеты в первый ряд, наверное, невероятных денег стоят... Кстати, а ты не могла бы... раз уж у нас появилась такая исключительная возможность... нельзя ли будет договориться... по поводу...

Тетя все мялась, изображая деликатность, но я уже давно поняла, о чем сейчас пойдет речь. Конечно, она не захочет, чтобы такой «эксклюзивный» случай касался только нас двоих и чтобы ей даже не удалось похвастаться перед подругами тем, что она в качестве vip-персоны оказалась в первом ряду. Нет-нет, ни за что. Нужно будет рассказать об этом всем, кому только можно, и для достоверности прихватить с собой «свидетеля». Кстати, заодно и неограниченные «наши» возможности продемонстрировать. Вот, мол, – на кого укажем, того и пропустят.

– Соня... Сонечка Шнейдер... она такая поклонница Измайловой... Нельзя ли и для нее как-нибудь тоже... местечко.

– Конечно, тетя Мила, я постараюсь договориться. Даже если администратор начнет возражать, я ведь, в конце концов, буду общаться с самой Измайловой, а уж она-то, надеюсь, вправе распоряжаться местами на своих концертах.

– Ах, Женечка... Это было бы просто великолепно! Действительно, ты будешь общаться с самой Измайловой, – говорила тетя, делая ударение на слове «самой» и придавая моим словам несколько иной смысл, который я, собственно, в них не вкладывала. – Наверное, мы даже сможем получить автограф... Нужно будет что-нибудь... фотографию или что-то... что-то подготовить...

– Можно распечатать из Интернета.

– Да... да, пожалуй...

Все в том же настроении рассеянной мечтательности тетя Мила начала просматривать сайты, посвященные нашей знаменитой землячке, а я занялась размышлениями о том, как бы мне так поймать момент, чтобы намекнуть любимой тетушке, что моя столь не любимая ею работа тоже иногда приносит свои приятные плоды.

«Надо будет вместе с автографом мыслишку эту ей подбросить, – наконец нашла я решение. – Авось и поуменьшится нотаций по поводу моей невозможной профессии».

Особо чрезвычайных ситуаций я здесь не предполагала и предстоящую мне неделю «работы» воспринимала скорее как занимательную экскурсию в загадочный мир богемы. Наверяд ли там ждали меня серьезные опасности и смертельный риск.

Впрочем, как знать... Наверное, тоже бывает по-разному.

Тут я вспомнила, что на эту тему есть отличный, ставший уже классикой фильм с очаровательной, тогда еще молодой и свободной от вредных привычек Уитни Хьюстон, и решила, что на сон грядущий мне не помешает немного романтики и ностальгии.

Кроме эстетического удовольствия, которое всегда вызывает у меня классно сделанное кино, я надеялась поле просмотра составить хотя бы приблизительно представление о том, что может угрожать популярной личности и на что мне в первую очередь следует обратить внимание. Понятно, что кино – это не реальная жизнь, но все-таки...

Я поставила диск и вскоре целиком погрузилась в сказочный и волнующий мир запутанных отношений американской богемы.

Сеанс закончился далеко за полночь, тетя уже видела десятый сон – надеюсь, о том, как она берет автограф у «самой Измайловой».

Я же, убедившись, что основную угрозу для звезд составляют поклонники, которые так и норовят залюбить до смерти, прикидывала в уме, смогу ли в случае чего вынести Измайлову на руках из толпы обезумевших фанатов так же легко, как Костнер вынес Уитни? А вдруг эта Измайлова – необъятная десятитонная тетка вроде Монсеррат Кабалье? На штангиста меня все-таки не тренировали...

Нужно будет поинтересоваться у тети, как она выглядит. Сколько лет, какой вес... да и рост... а то вот так вот заключишь договор, подпись поставишь, а потом окажется, что обязался целую неделю мешок... картошки на плечах таскать.

С этими немного сумбурными мыслями я уснула, и даже во сне мне не приснилось, что очень скоро сама жизнь заставит узнать ответы на все эти пока еще несколько ироничные мои вопросы.

На следующий день, позабыв все свои ночные страхи, я отправилась заключать контракт.

Переговоры прошли успешно, Иосиф Вениаминович, лысоватый пузатенький еврей в не первой свежести клетчатом пиджаке, оказался парнем сговорчивым и лояльным. Я выго-

ворила неплохое вознаграждение для себя лично ну и, конечно же, бонусные места в первом ряду для тети и Сонечки Шнейдер.

После подписания всех официальных бумаг я осмотрела сцену – наиболее уязвимое, на мой взгляд, место в плане личной безопасности – и обнаружила, что от зрительного зала ее отделяет оркестровая яма. То есть с этой стороны обезумевшим фанатам путь закрыт. Подняться на сцену для дарения цветов и выражения восхищения можно было по небольшим боковым лесенкам, но эти подходы проконтролировать мне не составит труда.

– Где она будет жить? – осведомилась я у администратора, выходя из зрительного зала.

– В гостинице, – хлопотливо ответил он, семена за мной следом. – Уже забронированы два люкса – самой Измайловой и продюсеру, ну и несколько номеров для... сопровождающих.

– Много народу?

– Да нет, как обычно. Визажист, костюмер... Ну, музыканты, конечно. Они приезжают завтра вечером вместе с аппаратурой. А Измайлова утром, на десятичасовом. Вы будете готовы? – обеспокоенно взглянул на меня Иосиф.

– Да, разумеется. Мне нужно осмотреть номер.

– В котором будет жить Измайлова?

– Ну да. Я должна убедиться, что все в порядке и что никто из посторонних не сможет незаметно туда проникнуть.

– Но... но это нам придется ехать в гостиницу...

– В самом деле?..

Наверное, выражение моего лица было очень красноречивым, поскольку больше никаких вопросов Иосиф Вениаминович не задавал. Не тратя даром золотого времени, он стал набирать номер, чтобы вызвать такси, и очень обрадовался, узнав, что я на машине.

– Это тут, рядом. Совсем недалеко. Частная гостиница...

Гостиница действительно располагалась в удобной близости от театра. Старое двухэтажное здание в самом центре города, переделанное на современный лад, представляло собой весьма уютный особнячок, совсем не похожий на многоместное общежитие, кое обычно представляет из себя любая стандартная гостиница. Сразу было видно, что обстановка здесь теплая, домашняя, клиенты чувствуют себя уютно и комфортно и о том, сколько вся эта красота стоит, даже неприлично упоминать.

На ресепшене сидел пухленький мужичок, по-видимому, олицетворяющий собой охрану, но было совершенно ясно, что заниматься индивидуально тем или иным клиентом в его обязанности не входит. Поэтому, если Измайлова действительно имеет основания опасаться за свою сохранность, мое присутствие будет очень и очень кстати.

Пока я ориентировалась на местности, Иосиф Вениаминович оживленно беседовал с девушкой за конторкой.

– ...и вот наконец-то нашел, – говорил он, очевидно, рассказывая историю моего появления здесь. – Евгения – прошу любить и жаловать.

Девушка удивилась и посмотрела на меня с неподдельным интересом.

– А вы постоянно будете... охранять? – наконец выговорила она, видимо, подобрав-таки подходящее слово. – Может быть, вам тоже нужны апартаменты?

«Ну да, конечно. И желательно подороже», – язвительно подумала я, представив, насколько в этом случае увеличится сумма моего контракта и как изменится лицо и без того шархающегося от каждой мелочи администратора.

Но вслух сказала другое:

– Нет, если будет необходимо мое присутствие, я, разумеется, должна буду находиться в непосредственной близости от клиента, а не в соседнем номере. Сейчас, если это возможно, я бы хотела осмотреть номер госпожи Измайловой.

– Да, да, конечно, – заторопилась девушка, доставая из-за стеклянной дверцы ключи. – Пожалуйста, пройдите с этим молодым человеком. Юра, проводи.

Долговязый Юра, одетый в местную униформу, гостеприимным жестом указал нам на широкую лестницу, ведущую в бельэтаж.

Красиво отделанный, погруженный в интимный полумрак коридор не изобиловал непомерным количеством дверей. Сразу было видно, что, по крайней мере, на этом этаже номеров немного, но все они просторные, позволяющие клиентам разместиться со всем возможным комфортом.

– Мы частенько селим в этой гостинице, – говорил между тем Рацкевич. – Здесь всем нравится. Обслуга вежливая, готовят хорошо, конфиденциальность соблюдается... Как говорится, сор из избы не выносят. Не только Измайлова, но и посерьезнее люди... всем нравилось. И по поводу безопасности никогда не было... инцидентов.

– Я верю, но раз уж вы заплатили мне за работу, я должна ее выполнять, – лучезарно улыбнулась я.

– Да, да, конечно, конечно... – соглашался администратор, в то время как долговязый Юра открывал дверь.

– У кого еще могут быть ключи от этого номера? – осведомилась я.

– У нас и у клиента. Больше ни у кого, – четко отрапортовал Юра. – Если берет кто-то еще, обязательно регистрируем в журнале. Но обычно такого не бывает... Если приходят гости, то, как правило, вместе с хозяевами, а посторонних... посторонних у нас практически не бывает.

– А обслуга, уборщицы?

– Ну, это... – немного смешался Юра, но быстро выправился: – Их мы обычно не регистрируем, но все и без того знают, что в такое-то время проводилась уборка, и потом горничные работают у нас уже очень долгое время, все они – люди проверенные и надежные.

Юра заканчивал свою рекомендательную речь уже в номере. Великолепный, необъятных размеров люкс, состоящий из просторной гостиной и трех спален, действительно мог удовлетворить самый притязательный вкус. Роскошный стиль Людовика XIV вполне гармонично дополняла ультрасовременная техника в виде огромной плазмы на стене, прекрасно оборудованного «кухонного уголка» и нескольких планшетов, в живописном беспорядке раскиданных по столам.

– Давно съехали последние постояльцы? – расспрашивала я Юру, параллельно занимаясь осмотром.

– Позавчера, – последовал четкий ответ, и я в очередной раз могла только порадоваться за профессионализм местных кадров. – Приезжал пианист на детский конкурс, здесь у нас жила семья. Они не захотели селиться в гостинице, которую сняли организаторы. Шумно... да и вообще. Программа очень напряженная, ребенку нужно хорошо отдыхать. Ну, а у нас... как видите...

– Да, у вас для отдыха все условия...

Думая о том, что, наверное, очень не бедные родители были у этого ребенка, я заканчивала осмотр. В целом я не нашла ничего подозрительного. Оставалось только выяснить последний вопрос.

– После того, как съехала эта семья, здесь, наверное, прибирали?

– Да, разумеется.

– Те самые «надежные и проверенные» люди? – очаровательно улыбнулась я Юре, чтобы у него не создавалось ощущения допроса.

– Да, конечно, – улыбнулся он в ответ. – Уборку проводили вчера, и больше в номер никто не заходил. Завтра утром должны подвезти напитки и фрукты – перед приездом гостей

мы «загружаем» холодильники, – их разнесут по номерам горничные, и, собственно, все. Следующими в номер войдут уже сами жильцы.

– Что ж, отлично. Иосиф Вениаминович, думаю, нам нет больше смысла задерживать молодого человека. Я осмотрела все, что мне было нужно, номер в порядке.

– Правда? Ну что ж, это очень хорошо. А я, признаться, и не подумал... сколько тут разных... с этой безопасностью. Вот и номер, оказывается, нужно осматривать. А гримерку? Гримерку вы тоже будете проверять?

– Это – непосредственно перед тем, как клиент решит ею воспользоваться.

– Вот как... ну что ж, вам виднее. Так как же мы договоримся по поводу завтрашней встречи? Поезд – в десять утра...

– Думаю, я подъеду прямо на вокзал. Там и определимся.

– Что ж, хорошо. Тогда до завтра.

Распровавшись с администратором, я поехала домой, где не находила себе места взволнованная и счастливая тетя Мила.

– Вот, Женечка, посмотри... достала фотографию. Правда, очаровательно?

С картинки на меня смотрела совсем не старая и довольно приятная на вид темноволосая женщина с загадочной поволокой во взгляде, которая, по-видимому, обязательно должна была присутствовать у всякого, кто работает в таком возвышенном жанре, как исполнение романсов.

«Нет, на Монсеррат Кабалье не похожа, – с радостью думала я, разглядывая фото. – Меньше раза в четыре».

– ...а если вот здесь, сбоку, будет еще автограф, – между тем говорила тетя Мила, – это будет вообще... просто прелесть что такое. Нужно будет позвонить Сонечке... Да, кстати, Женя, ты обещала уточнить, во сколько поезд.

– Поезд в десять утра, я поеду сразу на вокзал, так что смогу подвезти тебя. Но дальше уже ориентируйся сама, мне нужно будет приступить к своим обязанностям.

– Хорошо, хорошо, сориентируюсь. За меня не беспокойся.

– Да, кстати, я бы не отказалась перекусить чем-нибудь.

– Перекусить? – Кажется, впервые в жизни этот вопрос вызвал у моей тети растерянность. Вот что значит творить себе кумира.

– Да, да, перекусить, – давила я. – Покушать. Рагу из перепелов, жульен с трюфелями... простенького чего-нибудь. Нету?

– Твои сарказмы, Евгения, как обычно, весьма некстати. Дома полный холодильник, есть и фаршированные блинчики, и суп с фрикадельками, и... ну, в общем, еще масса всего, но если ты настаиваешь именно на свежеприготовленной пище, то, конечно, я могу...

– Нет-нет, тетушка! – поспешила сказать я, видя, что тетя Мила, уязвленная до самой глубины души, вот-вот расплачется. – Фаршированных блинчиков с фрикадельками вполне достаточно. Я сама разогрею, не беспокойся. Ты должна еще позвонить подруге, сообщить, когда нужно подъезжать на вокзал.

– Ах... да, действительно. Чуть было не вылетело из головы. И правда нужно позвонить. Ну, в общем, ты там... ориентируйся.

Я отправилась на кухню «ориентироваться», а тетя снова погрузилась в радостные хлопоты, предшествующие встрече кумира.

Уплетая за обе щеки и слушая краем уха подробнейшее обсуждение вопроса мировой важности о том, какие лучше купить цветы, я думала, что, в сущности, очень мало нужно человеку для счастья. Вот – приезжает любимая певица, и моя не самого юного возраста тетушка порхает, как мотылек, в поисках букетов и фотографий, как будто ничего важнее и нет в ее жизни.

На следующее утро в половине десятого, прихватив минимальный набор оружия, состоящий из небольшого ножа, укрепленного на голени, я двигалась в своем «фольке» в направлении железнодорожного вокзала, приютив на заднем сиденье проникнутую торжественностью момента тетю Милу и ее худощавую подружку, у которой довольно заметная седина в волосах как-то удивительно гармонично сочеталась с наивным детским взглядом. Подружка бережно держала фотографии, которых было уже две – каждой по автографу, а тетя Мила, заботливо обхватив руками, почти на весу, чтобы как-нибудь не помять, довольно внушительный букет великолепных бархатно-алых роз.

На платформе уже пестрела толпа. По-видимому, поклонники, прознавшие про время прибытия звезды, загодя собрались здесь и дежурили уже давно.

Порекомендовав не соваться в самую гущу, я оставила тетю Милу и Сонечку Шнейдер среди близких им по духу, а сама направилась к неприметному закоулочку, из которого, как я заметила, нечаянно высунулся краешек знакомого клетчатого пиджака.

– Иосиф Вениаминович? Рада вас видеть, – проговорила я, входя в закоулочек и обнаруживая, что администратор там не один, а во главе целой делегации.

– А! Вот и наш телохранитель! – радостно воскликнул Рацкевич. – Прошу любить и жаловать, господа, Евгения Охотникова – единственный в своем роде специалист...

– Ну уж не единственный... – скромно улыбнулась я, между делом внимательно осматривая присутствующих.

Вместе с Иосифом в закутке приютились несколько мужчин и солидная дама с высоченной прической и нестерпимо ярким макияжем.

– Вот... познакомьтесь, – продолжал между тем Иосиф. – Агнесса Карловна – мой заместитель. Она будет вплотную заниматься всеми организационными вопросами по Измайловой, так что в случае чего можете обращаться непосредственно к ней.

Важная Агнесса, пронзив меня испытующим взглядом, снисходительно кивнула.

– Это у нас... уважаемые представители администрации, – улыбался Рацкевич, поводя рукой в сторону двух солидных дяденек в официальных пиджаках и галстуках. – Поклонники нашей... звезды.

Дяденьки тоже растянули губы в ответ.

– А что это вы... спрятались, что ли, здесь? – в свою очередь поинтересовалась я.

– Да нет... как сказать, – замялся Рацкевич. – Там эти... фанаты эти... знаете... только головная боль от них. Сейчас машина подъедет... тогда и выйдем. Встречать.

Обещанная машина показалась на перроне уже через несколько минут.

Неизмеримо длинный, блистающий зеркально-черными боками лимузин выдвинулся из какого-то загадочного закоулка и остановился на перроне, недалеко от толпы.

– А откуда здесь можно заехать? – с любопытством оглядывая пространство, поинтересовалась я.

– А там есть... есть такое... местечко, – как-то неопределенно проговорил Рацкевич, по-видимому, не желая выдавать военную тайну.

Вскоре после появления лимузина послышался шум приближающегося поезда, и толпа поклонников оживилась.

Рацкевич тоже забеспокоился, как-то затоптался на месте, и лицо его снова стало испуганным.

– Идемте уже, – повелительно прозвучало солидное контральто Агнессы, и делегация вышла из своего укрытия.

В это же время из вагона показалась долгожданная звезда.

В едином порыве толпа хлынула ей навстречу, и хотя перед Измайловой шли двое мужчин, пытаясь сдерживать эмоции фанатов и прокладывая дорогу, это у них не очень получалось. Желающих было слишком много.

Измайлова, высокая брюнетка, не совсем такая, как на отшлифованной редакторами фотографии, но все-таки довольно похожая, остановилась и стала раздавать автографы.

Краем глаза отметив тетю Милу, пытающуюся пробиться к заветной подписи, я в составе официальной делегации, стараясь соблюдать деликатность, стала постепенно, сквозь толпу приближаться к Измайловой.

Мы были уже довольно близко, и Рацкевич даже начал приветственную речь, но толпа все напирала и, кажется, с каждой минутой становилась все больше. Действительно, заметив оживление, к вагону стали подходить другие пассажиры, выходили ожидающие из здания вокзала, и вскоре на перроне началось настоящее столпотворение.

Каждый стремился что-то сказать, и в этом потоке нельзя было разобрать ничего, кроме отдельных громких выкриков.

– Принцесса! Богиня! – несло от одного края толпы.

– Подстилка! Шлюха! – долетали крики с другой стороны, и, ни на минуту не забывая о том, для чего я пришла сюда, я повернула голову в этом направлении.

Как выяснилось, обернулась я очень вовремя. Пущенный неизвестным адресатом, в Измайлову уже летел переспелый помидор, готовый вот-вот брызнуть соком и привнести в элегантный костюм певицы свое яркое дополнение.

Молниеносным движением руки я отразила атаку. Помидор ударил в мою подставленную ладонь и, расплющившись, бесславно излил свои соки на асфальт перрона.

Тем временем Изольда вместе с официальной делегацией пыталась пробиться к лимузину, и поклонники, догадавшись, что вождь кумир скоро исчезнет из их поля зрения, стали напирать с удвоенной силой. Тычки и вежливые оттирания корпусом сменились открытыми ударами, каждый стремился дорваться, ухватить последний шанс, и начавшаяся давка уже создавала угрозу самой звезде.

Я была уже достаточно близко и тоже решила не церемониться. Одарив парочкой незаметных, почти без размаха ударов некоторых особо резвых шалунов, от чего те моментально присмирели, я протиснулась, наконец, к самой Измайловой и, крикнув, чтобы она шла за мной, стала пробиваться к лимузину.

Вот когда на деле я смогла убедиться, что то, что показывают в кино, – не всегда сплошная выдумка. Наше продвижение сквозь орущую толпу до такой степени напоминало один из эпизодов «Телохранителя», что на мгновение я даже притормозила. Но раздумывать было некогда. Лезли со всех сторон и, пытаясь оттолкнуть конкурента, так и норовили угодить по физиономии любимой звезде.

Раздавая удары направо и налево, уже окончательно забыв о церемониях, я следила только за тем, чтобы, расталкивая очумевших фанатов, не угодить куда-нибудь в солнечное сплетение той самой клиентке, которую я должна защищать.

Приветственные выкрики как-то заметно поуменились, теперь все чаще доносилась нецензурная брань, но заветные дверцы лимузина были уже близко.

Кроме водителя, в машине, по-видимому, не было больше никого – все встречающие ждали на перроне в составе уже известной мне делегации. Поэтому открыть нам дверь никто не вышел. Водила, похоже, и сам до смерти перепугался и решил – залазьте сами как знаете.

Пробившись к машине, я взялась было за дверь, но напирала с такой силой, что мне пришлось «поуспокоить» еще пару-тройку активистов, чтобы получить возможность ее открыть.

Почти затолкнув в салон Измайлову, я дождалась, пока следом за ней протиснутся туда остальные члены делегации, и, сделав в виде прощального подарка еще несколько ударов без особого прицела, тоже пробралась внутрь и захлопнула за собой дверь.

– Полный вперед! – бодро скомандовала я, и машина поползла медленнее улитки, с трудом пробираясь сквозь толпу настырных фанатов, видимо, все еще надеющихся каким-то чудом заполнить автограф.

– Ну Евгения... Ну это... просто... просто шок, – не находил слов Рацкевич, сияя изумленным взглядом. – Просто не знаю, как без вас мы бы выбрались из этого... ада. Прошу любить и жаловать, Изольда, – ваш телохранитель Евгения Охотникова – суперспециалист и супергероиня сегодняшнего дня.

Изольда, которая давно уже посматривала на меня с нескрываемым интересом, слегка улыбнулась и, видимо, следуя неопровержимой женской логике, обратилась не ко мне.

– Вот видишь, Толик, – проговорила она в сторону крупного мужчины с тяжеловесным квадратным подбородком. – Видишь, я была права. Телохранитель – это... это всегда пригодится.

В ответ Толик пробубнил что-то не очень внятное, из чего нельзя было догадаться, согласен он или нет.

Но в целом лица присутствующих имели выражения, вполне соответствующие моменту. Восхищение и изумление – вот два чувства, главенствующие после этого напряженного маршброска.

– Что ж, господа, думаю, теперь мы сможем спокойно поговорить о делах, – произнес Иосиф Вениаминович, когда лимузин, выбравшись, наконец, с перрона, прибавил газу и заколесил по городским улицам. – Думаю, для начала необходимо познакомить тех, кто еще не знаком. Евгения, вы новичок в нашей компании, так что позвольте вам представить – Анатолий Земелин – продюсер нашей звезды, человек, решающий все самые важные вопросы.

Продюсер слегка кивнул и отсутствующим взглядом уставился в окно.

– Максим Чаркин, – продолжал Иосиф, указывая на довольно молодого мужчину с оригинальной стрижкой и в костюме, претендующем на экстравагантность. – Директор. Человек, решающий организационные вопросы. Все, что касается обеспечения безопасности, вы можете обсуждать непосредственно с ним. Остальной состав, музыканты, обслуга и технические специалисты, прибывает вместе с аппаратурой вечерним поездом. Потом у нас запланирован небольшой банкет... так сказать, приветственный...

Говоря это, Рацкевич изобразил подобострастную улыбку и повернулся в сторону двух мужчин в официальных галстуках, уже оправившихся от испуга, испытанного ими в толпе фанатов.

– Уважаемая администрация города, приветствуя свою землячку, оказала, так сказать, честь...

Мужчины в галстуках кисло улыбнулись.

– Ну это – вечером, – резюмировал Рацкевич. – А сейчас все мы немного устали, переволновались... гости наши утомлены долгой дорогой. Поэтому сейчас – небольшой перерыв и отдых. Толик, репетиция завтра в десять, я смогу освободить сцену часа на четыре. Больше возможностей потренироваться не будет, так что сориентируй там своих, чтобы не слонялись, как сонные мухи, а работали четко и, если что не так, говорили сразу. Чтобы не было потом... накладок. Ну что ж, вот уже и наша гости... черт! Как они узнали?!

Лимузин приближался к подъезду уже знакомой мне гостиницы, и сквозь тонированные стекла я видела, что, для того чтобы прорваться внутрь, нам предстоит преодолеть почти такой же кордон, как и на перроне.

– Евгения... – снова растерянно и испуганно посмотрел на меня Иосиф. – Вся надежда только на вас.

– Не стоит волноваться. – Я одарила присутствующих блистательной улыбкой, не хуже любой звезды. – Изольда, вам нужно будет выйти непосредственно за мной и держаться как можно ближе. Анатолий и Максим будут замыкающими. Остальные, как я понимаю, в гостинице проживать не будут?

– Да... не будут. – В голосе бедного администратора даже послышалась некоторая дрожь. – Ну что же, тогда – до вечера? Изольда, мы еще созвонимся, надеюсь. Толик...

– Ближе к вечеру я наберу, – лаконично произнес продюсер и сделал движение, как будто собирался встать.

«Вот уж кого не испугают никакие фанаты», – как-то само собой подумалось мне, когда, набрав воздуха в грудь, я приготовилась открыть дверь лимузина.

С силой отжав дверь, на которой лежали человека четыре, мечтающих заполучить автограф, и спинным мозгом чувствуя, что Изольда – здесь, непосредственно за моей спиной, я стала пробиваться ко входу в гостиницу.

Снова отовсюду напирала чьи-то руки и тела, снова мне пришлось работать кулаками, и пару раз я даже получила кое-что в ответ, но шаг за шагом мы пробивались к заветной двери, и бедная Изольда, не зная, улыбаться ей или крыть матом, кажется, только и мечтала о том, чтобы скрыться, наконец, от своей «всероссийской и почти мировой» популярности за толстыми стенами переделанного на современный лад особняка.

– Изольда!! Богиня!!! – истерически заверещал какой-то женский голос, и высунувшаяся из плотной толпы рука цепко схватила легкий шарф, небрежно накинутый на плечи звезды.

По-видимому, какая-то заядлая фетишистка решила добыть ценный экспонат в свою коллекцию, но проблема была в том, что кусок шифона был обернут вокруг шеи Изольды и, потянув за край, женщина фактически стала душить своего кумира.

– А-а-а... – начала было Изольда, но стон быстро перешел в хрип, и я увидела, что у нее начинают синеть губы и выкатываются глаза.

Я ринулась вперед, как ледокол в северные льды, и, корпусом разрезая плотно сомкнутые ряды фанатов, оттеснила двух человек, отделяющих меня от настырной бабы, а третьему, дюжему мужичку, нерушимой стеной стоявшему прямо перед ней, с размаху заехала в солнечное сплетение, отчего тот согнулся, открыв мне свободный доступ к руке, сжимающей шарф.

Слыша за своей спиной уже почти предсмертные хрипы Изольды, я заломила руку неуемной фетишистке, отчего застонала и захрипела уже она и, не в силах сопротивляться, выпустила, наконец, удавку.

Обернувшись к Изольде, я увидела, что она судорожно глотает воздух и держится за горло, а преданные поклонники продолжают напирать со всех сторон, ничуть не смущаясь тем, что предмет их обожания прямо у них на глазах чуть было не расстался с жизнью.

Поняв, что церемониться нечего, я снова активно заработала кулаками и, пробиваясь обратно к Изольде, уже не смотрела, мужчина передо мной или женщина, оделяя всякого, кому вздумалось попасться на моем пути.

Снова встав впереди Изольды и бросив быстрый взгляд в сторону гостиницы, я увидела, что там нас уже ждут и за нас болеют. Сочувственно и выжидательно смотрели дежурная девушка с ресепшена и Юра, хлопотливо перебежал за стеклянными дверями толстенный охранник, но высовываться наружу никто не рисковал.

Наконец мы добрались до заветной двери, я снова пропустила всех вперед и, уже при помощи гостиничного охранника вытолкнув особо назойливых граждан, пытающихся прорваться внутрь, захлопнула, наконец, входную дверь.

– Надо было ОМОН вызывать, – раздраженно бормотал Толик. – Иззи, я – отдыхать.

По тому, как уверенно, никого ни о чем не спрашивая, стал он подниматься к себе в номер, я поняла, что здесь все всем знакомо и Измайлова останавливается здесь не в первый раз.

Не совсем понимая, где же мое место на этом празднике жизни, я обратилась к Измайловой:

– Я осматривала ваш номер, там все в порядке. Можете заходить без опасений.

– Спасибо... – медленно проговорила она, в очередной раз оценивая меня осматривая. – Но... если вы телохранитель... вам, наверное, всегда нужно находиться рядом со мной?

– В данном случае – не обязательно. В гостинице нет посторонних, номер проверен... Я могу подежурить в коридоре или... где-то...

– Ну... как хотите. Впрочем, мне тоже нужно отдохнуть. Этот банкет... наверняка эти мужланы из администрации заставят петь. Им же не объяснишь... Для них певица – что-то вроде музыкальной шкатулки – ключиком завел, она и запела... Впрочем... ладно. Вам эти проблемы неинтересны. Так вы будете здесь, поблизости?

– Да, разумеется.

– Ну и отлично. Машенька, детка, скажи там, чтобы сделали мне... как обычно, – обратилась Изольда к девушке за конторкой, и та с готовностью схватилась за телефон.

Изольда ушла к себе в номер, директор и продюсер удалились уже давно, и теперь в уютном вестибюле находились только я, расторопная Маша да охранник.

Не ставя себе целью подслушивание, я все-таки не могла демонстративно заткнуть уши пальцами и вскоре узнала, что «как обычно» – это некий загадочный напиток, включающий в себя коньяк, молоко и яичный желток.

«Надо будет поинтересоваться у тети, что это за гремучая смесь такая, – думала я, слушая подробные объяснения Маши. – Кстати! Тетя Мила! Как же это я забыла позвонить ей!»

Пространство перед входом в гостиницу давно опустело, фанаты, поняв, что в их дальнейшем пребывании здесь нет смысла, рассосались, и я смогла выйти на улицу, чтобы спокойно поговорить.

– Тетушка? Ну как твои дела? Добыла автограф?

– Ах, Женя! Это какой-то кошмар! Как грубы могут быть люди! Просто не описать словами...

– А ты как думала? Поэтому звезды и нанимают телохранителей. Но ты не ответила – заполучила ты подпись на свою фотографию или нет?

– Да что ты! Куда уж! Там как стали давить со всех сторон... я подумала, что сейчас затопчут. Мы с Сонечкой отошли и только издали смотрели... Это... ужасное что-то. Ты-то там как? Справилась?

– Обо мне не беспокойся, тетюшка, ты же знаешь, я боец тренированный. Но ночевать мне пока, видимо, придется в гостинице, я ведь не могу бросить клиента, сама понимаешь...

– Да уж понимаю... Твоя ужасная работа...

Опять двадцать пять! Да что же это такое?! Нет, сейчас явно настал момент улучшить свой имидж в глазах любимой родственницы.

– Моя работа помогла тебе попасть в первый ряд на концерт знаменитой певицы – не забывай. И к тому же, поскольку я общаюсь с ней непосредственно, можешь передать мне свои фотографии – так уж и быть, попрошу ее расписаться.

Но переубедить мою тетю было не так-то просто.

– Ну-у... это совсем не то... – безо всякого энтузиазма протянула она. – Совсем не то, что... когда сам... при непосредственном общении... при личном контакте...

– Хочешь, чтобы я договорилась о встрече лично для тебя?

– О... Женечка... это... это было бы... просто... волшебю!

Похоже, тетя Мила не поняла моей скрытой иронии, и я почла за лучшее не объяснять.

– Не знаю, тетя Мила, навряд ли. У Измайловой очень плотный график, вот и сегодня вечером... тоже... мероприятие. Думаю, проще отдать мне фотографии.

– Да? Жаль. А как это было бы... хорошо. Просто волшебю. Но... ты знаешь... я не сдамся без боя. Попробую еще взять автограф на концерте. Ведь те места, о которых ты говорила, – они еще за нами?

– Да, разумеется.

– Ну вот. Это ведь в первом ряду, там гораздо проще... Я попробую еще раз. Ну, а уже если и на концерте не получится, тогда... тогда, так уж и быть, отдам фотографии тебе.

Бедная тетя! По-видимому, она ничего не знала об оркестровой яме.

Закончив разговор, я вернулась в вестибюль гостиницы, приготовившись терпеливо ждать. Добрая Маша, некоторое время полюбовавшись на то, как я со скучающим видом перелистываю журналы, поведала мне, что если пройти «вот так и вот так» по коридору, можно набрести на уютный ресторанчик, где очень неплохо готовят.

– Да, Иосиф Вениаминович говорил мне, что ваша гостиница славится своей кухней. А что, здесь действительно часто останавливаются знаменитости?

– Случается, но... это конфиденциальная информация.

– Понятно. Но об Измайловой-то вы можете сказать. Я ведь как-никак ее телохранитель. Часто она останавливается здесь?

– Когда приезжает в Тарасов, по-моему, всегда. У нас есть несколько постоянных клиентов... из этой среды. Измайлова – одна из них.

– И что – всегда такое столпотворение?

– Да нет... нет, в этот раз что-то прямо из ряда вон. Не знаю, может, популярность ее так возросла...

– А раньше она требовала, чтобы ей предоставили телохранителя?

– Нет... такого не помню. Вроде никого не было. Не знаю, может, что-то изменилось. Вот и фанаты эти... сами видели – как с цепи сорвались. Раньше-то пожиже было... Ну, в смысле – народу поменьше. Прибегут, цветочки отдадут и убегают. А это... что-то... что-то прямо из ряда вон.

– Может быть, у нее появились какие-то враги? Кто-то, кто целенаправленно доставляет беспокойство, вредит?

– Не знаю... – Маша подумала и снова повторила уже увереннее: – Не знаю. Мне, в общем-то, и не докладывают. Но так, чтобы... прямо вот целенаправленно вредили, такого не знаю.

Поняв, что здесь мне больше ничего не узнать и что продолжать расспросы бесполезно, я решила воспользоваться советом и протестировать блюда местного ресторанчика.

Пройдя по коридору, повернув туда и сюда, как объясняла мне Маша, я оказалась в очередном уютном помещении, где стояло несколько столиков, накрытых белоснежными скатертями, и витали довольно аппетитные запахи.

2

Между тем время шло, и пока я, ничего не подозревая, сидела в ресторане, происходили разные важные и интересные события.

На вокзал без ненужной помпы и фанатических толп прибыл поезд, доставивший «группу поддержки» Изольды, которую составляли музыканты, аппаратура и обслуживающий персонал, все это было выгружено, аппаратура расставлена по местам, а люди расселены по гостиницам, по апартаментам несколько попроще тех, которые занимала Изольда, и результатом всех этих подспудных действий явилось то, что, вернувшись из ресторана в вестибюль, я застала там некое оживление.

– Евгения тоже должна ехать с вами? – говорила в телефонную трубку Маша. – Да... хорошо... хорошо, я передам.

Девушка положила трубку и, увидев, что я вхожу в вестибюль, радостно улыбнулась:

– О! Евгения! Как кстати. Сейчас звонила Изольда, прибыл поезд с аппаратурой, ее как раз выгружают в театр. Она хочет съездить туда, осмотреться. Все-таки в опере это первые гастроли. К тому же нужно подготовиться к вечернему мероприятию, а это тоже удобнее сделать там. Не везти же сюда все это... гримеров, костюмы. Ну, в общем, это она сама объяснит вам. Главное – она просила передать, чтобы минут через пятнадцать вы были готовы ехать.

– Я всегда готова, – бодро ответила я, весьма некстати вспомнив про свой брошенный в районе железнодорожного вокзала «фольк». Конечно, на своей машине я была бы готова просто вдвойне, но раз уж звезды непременно обязаны передвигаться в лимузинах, что ж... таков, видимо, наш тяжкий крест.

Вскоре в вестибюль действительно спустилась Изольда, на вид отдохнувшая и посвежевшая.

– О! Женья! Рада, что вы уже здесь. Маша передала вам? Нам нужно съездить в театр. Толик не захотел ехать. Так что теперь обеспечение моей безопасности целиком и полностью ложится на ваши хрупкие плечи.

Я не стала напоминать, что и тогда, когда Толик был рядом, это, в общем-то, ничему не помогло и «обеспечение» все равно легло на меня целиком и полностью. Да и возможности для развернутых дискуссий не предоставлялось – в вестибюль спустился Чаркин, и все оставшееся время Измайлова общалась в основном с ним.

– Снова заставят петь, – сокрушенно жаловалась Изольда, устроившись в лимузине. – Как будто я... не знаю... автомат заводной.

– Отношения с властями нужно поддерживать, – назидательно проговорил Чаркин. – Они – наша опора. Между прочим, банкет финансирует администрация.

– Ах... какая разница...

– Ну, тебе-то...

В довершение начатой фразы Чаркин бросил в сторону Изольды презрительно-уничижительный взгляд и этим ограничился.

– Кстати, а где он намечен-то, этот банкет? Там хоть аппаратура какая-нибудь есть? Хоть микрофон?

– Кабак называется «Фламинго», по отзывам, заведение вполне солидное. Слышала что-нибудь о таком?

– Нет, не припоминаю. Надо будет минусовку захватить да из ребят кого-нибудь... для поддержки. А то что я там одна буду, как...

– На банкет приглашена вся группа, так что по поводу поддержки не волнуйся. Сейчас проверим, как все доехало, и можешь заниматься с Аллочкой.

– Да, вот уж что действительно не помешает. Я сейчас выгляжу, как... не знаю что...

– Нормально выглядишь. – Чаркин снова кинул двусмысленный взгляд. Между тем мы уже подъезжали к зданию оперы.

В качестве VIP-персон нас подвезли к самому подъезду, и, выйдя из лимузина, мы вскоре оказались в просторном вестибюле, совершенно пустом в этот час.

Нас встретила темноокая Агнесса и повела какими-то коридорами и полуподвалами в неизвестном направлении. Проходя по бесконечно мрачным, напоминающим о бомбоубежище коридорам, я уже начала напрягаться по поводу возможных угроз безопасности, но оказалось, что этот замысловатый путь вел за сцену.

На довольно обширном пространстве, освещенном огромными лампами, подвешенными, как казалось, непосредственно среди непроницаемой тьмы, суетилась масса народу, выполняя какие-то действия, для непосвященных – хаотичные и бессмысленные. То и дело спотыкаясь о толстые провода и ударяясь боками о какие-то ящики, я продвигалась следом за Измайловой, мысленно отмечая для себя, что если среди этих суеющих людей притаился, как волк в овечьей шкуре, диверсант, обнаружить его практически нет никаких шансов. Яркие софиты очень резко делили пространство на свет и тьму, и, несмотря на довольно интенсивное освещение, если вы находились в теневой полосе, ничего нельзя было разглядеть в двух шагах и все предметы возникали перед глазами внезапно и как бы из ниоткуда.

К счастью, в этот раз среди присутствующих диверсантов не оказалось. Изольда, в отличие от меня, по-видимому, прекрасно ориентирующаяся в обстановке, дошла до какого-то ящика и командно-административным тоном стала диктовать, что нужно взять с собой в ресторан.

– Надо будет потратиться на них немножко, – говорила она. – Эдик, возьми синтезатор и гитару... ну, для колорита. Главное – записи не позабудь. А то будем там с тобой... а капелла исполнять. Кстати, а где...

Изольда не успела закончить фразу, как откуда-то из темноты материализовался некий весьма колоритный гражданин. Еще не старое, но уже какое-то поношенное, покрытое преждевременными морщинами лицо, красноречиво свидетельствующее о пагубных пристрастиях, косая ухмылка и общее циничное выражение делали его похожим на отвязного дворового хулигана, и я снова насторожилась, готовая в любой момент дать отпор.

Но то, как он обратился к Изольде, и общий тон разговора быстро дали понять, что парень – свой в доску и с приезжей дивой накоротке.

– Ба-а-а! Изольда свет Измайловна! – во всю глотку заорал он, едва завидев примадонну. – Давненько не видались.

– Да, уже почти целый день, – не слишком радостно процедила сквозь зубы Изольда.

– Как ваше ничего себе?

– Твоими молитвами, Миша, я как раз искала тебя. Тебя в этот раз устроили вместе с Максом, очень удобный, комфортный люкс – может быть, съездишь, осмотришься?

– Как – со мной?

Чаркин, тоже явившийся пред наши очи внезапно, по-видимому, слышал сказанное Изольдой и это сказанное было для него новостью.

– Кому это в голову пришло?! От него ведь житья не будет! – возмутился он, ничуть не стесняясь присутствия Миши.

– Макс, не бузи, – успокаивала Изольда. – Ну поживете... немного, ничего страшного. Номер просторный, там еще человек десять свободно разместить можно.

– Да не нужно мне десять человек! Я хочу спокойно жить... безо всяких... Кто это придумал вообще?

– Ну, Толик, – слегка понизив голос, проговорила Изольда. – Для экономии. Не каждый же раз ему люкс снимать...

– Что, Максюня, не нравится? – косо ухмыляясь, подначивал прекрасно слышавший все это Миша. – А тебе бы в одиночестве жить хотелось, да? Чтоб не мешали? Не беспокоили чтоб? Уколотся и забылся...

– Миша, прекрати! – беспокойно оглянулась Изольда. – Ты-то чем недоволен? Хотел люкс – сделали тебе люкс, я же сказала – можешь ехать устраиваться.

– Да ладно, ладно, Изольда Измайловна. Не буду раскрывать ваши военные тайны. А это что... новенькие, что ли, у нас?

Беззастенчивый Миша ощупывал меня весьма откровенным взглядом, как бы уже прикидывая что-то в уме.

– Это Евгения, мой телохранитель, так что ты поосторожнее. Она сегодня утром знаешь как толпу одной левой...

– Кто?! – Саркастическое выражение на лице Миши, кажется, достигло своих крайних пределов, и он разразился отвратительным, скрипучим хохотом. – Тело... тело... тело... хранитель? Вот это да!! Вот это я понимаю! Изя, да ты у нас теперь настоящая суперзвезда! Совсем-совсем. Даже телохранитель у тебя есть. Одного только нет. Хочешь скажу – чего?

Миша смеялся, но глаза его были злыми, и на Изольду при всем фамильярно-забавном стиле своей речи он смотрел далеко не ласково. Впрочем, конкретных угроз в сторону клиента никто не высказывал, поэтому я скромно слушала и не вмешивалась, но про себя отмечала, что отношения в этом романтическом мире богемы, по-видимому, не такие уж романтические.

Изольде, кажется, тоже было не до смеха. Выражение ее лица стало беспокойным, она явно начинала нервничать и все настойчивее побуждала Мишу ехать «устраиваться» в гостиницу.

– Нечего тебе здесь валандаться. Только нервы людям будешь трепать. Макс, отвези его. Надоел.

– Да ладно, не надо. Я уж как-нибудь сам. А то с Максюней опасно, еще научит... плохому чему-нибудь. До скорого, Максюня! Я пока кальяничик заряджу.

– Приддурок... – зло процедил вслед исчезнувшему в темноте Мише Чаркин, но Изольда не дала хода отрицательной эмоции, быстро переключив своего директора на новую мысль.

– Ты хоть присмотришь за ним, – доверительно глядя в глаза, проговорила она. – Попридержишь. А то совсем... с колес слетит. Программа уже до дыр затерта, новое что-то нужно, а он... несчастную «Калитку» третий месяц закончить не может. Приструнить его как-то нужно. Повоспитывать...

– Довоспитывались уже, – так же вполголоса недовольно произнес Чаркин. – Воротит что хочет, управы на него нет. Ты бы Толику лучше сказала, он кроме него никого не слушает.

– Толику... Толик не больно-то...

Дослушать этот загадочный диалог мне не удалось, так как к Чаркину подошел какой-то парень, и они занялись вопросами размещения аппаратуры.

– Так, ну что... – взглянув на часы, деловито проговорила Изольда. – Пожалуй, пора и собой, наконец, заняться. Где там эта старая ведьма?.. Макс! Найди мне Агнессу Карловну. Она должна показать мне мою примерку.

Через несколько минут в темноте нарисовалась Агнесса, и мы снова пошли по коридорам.

– Вам предоставили самое удобное, просторное помещение, – расхваливала по дороге Агнесса. – Иосиф Вениаминович сначала хотел распорядиться, чтобы для вас освободили ту, старую примерку... Помните? Ну, как бы ностальгия и все такое... Но потом посмотрели и решили – нет. Тесно, неудобно. А здесь... Ну, впрочем, сами посмотрите, думаю, вам понравится.

Вскоре мы оказались в «просторном помещении», размерами своими превосходящем разве что кухню в старинной хрущевке, где нас уже поджидала говорливая и хлопотливая женщина средних лет и довольно приятной, располагающей к себе внешности.

– У меня все готово! – бодро объявила она, указывая на столик, заставленный косметикой.

– Ах, Аллочка, займись, наконец, мной. Мне кажется, я после этого поезда просто сама на себя не похожа. Ну что это?.. Что это, посмотри, – озабоченно говорила Изольда, садясь перед зеркалом и дергая туда-сюда пряди волос.

– Сейчас все сделаем, Изольда, не переживай. Будешь выглядеть на миллион баксов.

– Что там Наташа? Разобралась?

– Да, она сейчас должна подойти. Черное, как обычно?

– Ну да, перед кем тут больно... выпендриваться. Еще вот только в кабаках я не выступала.

– Не скажи, Изольдочка. Сейчас это самый доходный вариант. Помнишь, сколько с прошлого корпоратива в клювике унесли?

– Так то – корпоратив. А здесь... Они для меня банкет устраивают, а не я для них. С какого перепугу я выступать-то должна? Сами пускай поют. За харчи за свои.

– Ладно, Изольдочка, не нагнетай. Цвет лица испортишь... Ага, вот и Наташа.

В гримерку вежливо постучали, и вошла молодая девушка, бережно держа в руках что-то длинное и черное, по-видимому, концертное платье.

– Давай-ка ты сначала облачайся, а потом и причесочку соорудим. Время-то подходит уже, как бы не опоздать.

– Успеем... Женя, вы не могли бы оставить нас на минутку... Думаю, здесь мне ничего не угрожает.

Я вышла, оставив стеснительную девушку переодеваться в кругу близких, и, прогуливаясь в коридоре, слышала время от времени доносящиеся обрывки фраз.

– ... телохранитель?.. А почему баба? Да?.. Да?.. Прикольно...

Услышав еще пару реплик в свой адрес, показывающих, что мои действия по нейтрализации обезумевших фанатов произвели должное впечатление, я заметила, что тон разговора несколько изменился, и наострила уши.

– Что, новостей... нет? – понизив голос, многозначительно спросила Изольда.

– Да так... почти ничего, – нарочито беспечно ответила Аллочка. – Мне ведь и не скажут особо-то, сама понимаешь.

– Что Оля?..

– Не видно, не слышно. Вообще такое ощущение, что все предупреждены и вооружены. Стоит где-нибудь появиться – пространство пустеет, как по команде, кого ни встретишь, все до ушей улыбаются и поздравляют. «Очень рады вашему приезду» – такое ощущение, что они эту фразу специально хором репетировали.

– Ну, может, и к лучшему. Хуже, если бы приставали.

– Думаю, Агнесса постаралась. Выдрессировала их. Кому нужны скандалы...

– Ну да. Главное, чтобы перед выступлением не подложили... свинью какую-нибудь. Нужно сказать Макс, пускай смотрит в оба. Ну и ты, если услышишь что... тоже...

– Само собой, Изольдочка, когда я тебя подводила?

В разговоре возникла небольшая пауза, после чего послышался голос Аллы:

– Ну вот... теперь все отлично... Теперь – хоть на конкурс красоты...

Послышалось шуршание одежды, звуки шагов, и из гримерки вышла Изольда, обновленная и при полном параде.

– Ну что, где там у нас распорядительница-то наша? Едем мы или нет? Алла, позвони.

Верная подруга взялась за трубку, и через несколько минут возле гримерки суетилась уже целая куча народу.

– Вася! Машина! Что там?! – беспокойно кричал в трубку Рацкевич. – Эдик, в лимузин мы уместимся? – тут же оборачивался он, разговаривая с кем-то из музыкантов. – Несите, несите, ребята, время уже поджидает...

На этот раз карету подали к черному ходу, и когда в багажник навороченного автомобиля с грехом пополам запихнули аппаратуру, в салоне удобно устроились мы с Изольдой, директор, а также наиболее значимые персоны оперного театра типа Иосифа и Агнессы.

Ресторан «Фламинго», где, как недавно выяснилось, должен был проходить праздник по поводу прибытия в наш город знаменитой землячки, располагался в довольно живописной местности, весьма отдаленной от центральных районов Тарасова.

Въехав на территорию, каждый мог убедиться, что сделано здесь все с размахом и на широкую ногу. Банкет подготовили на так называемой летней веранде, где вместительная крытая площадка плавно переходила в открытую, усаженную цветами и деревьями местность, над которой явно поработал опытный ландшафтный дизайнер. Под крышей из поликарбоната были расставлены столики, накрытые белоснежными скатертями и профессионально сервированные, и устроено небольшое возвышение, нечто вроде сцены, с левой стороны от которой, уже на открытом пространстве, располагались неправильной формы бассейн и живописный фонтан.

Перед сценой стоял стол побольше, по-видимому, для самых важных гостей, и за ним уже сидели несколько человек, в числе которых были уже знакомые мне мужчины в строгих галстуках и Земелин.

Увидев Измайлову, все очень оживились и практически полным составом поднялись навстречу.

– Изольда! Богиня! Примадонна! Рады приветствовать! – неслоь отовсюду.

Под нестройные аплодисменты и выкрики Изольда присоединилась к пирующим, а я, исполняя свои обязанности, следила за обстановкой.

Пока гости и хозяйева дегустировали аперитив, на сцене шла оживленная деятельность. Какие-то молодые люди активно суетились возле замысловатых ящичков и вскоре установили стойку для микрофона, к которой вышла дебелая раскрашенная женщина, не иначе – местный массовик-затейник.

Счастливо улыбаясь, она стала говорить, как рады они видеть у себя в гостях знаменитую певицу и какое это счастье, что у нас такие талантливые земляки. Конечно, местные кадры не могут претендовать на лавры столичных знаменитостей, но чтобы сделать приятное гостям, они тоже готовы показать свои скромные таланты.

После этого на сцену поочередно стали выходить юноши и девушки, исполняя разнообразные эстрадные хиты. Песни перемежались приветственными выступлениями представителей администрации и прочих официальных лиц и вручением подарков, а когда зал был уже достаточно разогрет, пришла пора выступить и самой примадонне.

– Просим! Просим! – понеслось отовсюду, и все снова захлопали в ладоши.

Лениво и манерно изогнувшись, Изольда поднялась и, снисходительно улыбаясь, медленно направилась к сцене.

Там уже снова поднялась хлопотливая суета, рабочие возились вокруг аппаратуры, что-то отключая и подключая, а я, наблюдая за процессом, отметила про себя, что все эти провода и контакты как-то уж слишком близко находятся от воды. Бассейн с фонтаном, придававший всей архитектурной группе изюминку и некий дополнительный лоск, практически соприкасался одним из изгибов своего «художественного» берега со сценой, и какое-нибудь резкое, плохо рассчитанное движение могло направить все двести двадцать вольт, гуляющих в про-

водах, прямехонько в лазурную гладь. И хорошо, если с другой стороны электрической цепи не окажется кто-нибудь в виде заземления.

Впрочем, мысль мелькнула и улетела. Теперь в процессе отключения и подключения принимали активное участие и сама Изольда, и Чаркин, и даже невесть откуда появившийся, бывший уже изрядно навеселе Миша, появление которого заставило меня усилить внимание.

– Туда вот, туда ее, вон в ту розетку втыкай, – руководил он, в левой руке держа рюмку с водкой, а правой оживленно размахивая в разные стороны.

– Миша, не мешай, – стараясь быть сдержанной, говорила Изольда.

– Иди, вон, сядь! – гораздо резче почти прокричал Чаркин, и глаза Миши как-то очень нехорошо и трезво блеснули. – Путаешься тут...

Чаркин слегка оттолкнул Мишу, отчего часть водки выплеснулась из рюмки и, видимо, попала куда-то на оголенные провода, поскольку у одного из загадочных ящиков, стоящих рядом и перемигивающихся какими-то лампочками, блеснула очень яркая искра и раздался треск, чем-то напоминающий разряд молнии.

– Миша!! – взвизгнула Изольда. – Ты сдурел?! Здесь же все под напряжением. Иди отсюда!

– Ой! Изольда Измайловна! Простите великодушно! Недосмотрел. Не рассчитал. Не сориентировался. Не велите казнить. А я вот сейчас ребятам минусовочку помогу... Давай-ка, Эдя! Надо же пробный шар запустить. Включить ее, послушать... как и что... Как звучать будет, нет ли чего... ненужного чего... лишнего...

Продолжая говорить и как бы не обращая внимания на Чаркина и Эдю, старавшихся оттереть его от аппаратуры, Миша все лез вперед, хватаясь за провода, и наконец так запутался в них, что споткнулся и довольно сильно толкнул Изольду, а вместе с ней и одну из замысловатых электронных коробок, прямехонько в бассейн.

Под аккомпанемент всеобщего дружного вопля я стрелой полетела к эстраде и буквально в миллиметре от воды подхватила потерявшую равновесие Изольду, неудержимо падавшую в уже стреляющую электрическими разрядами лазурную жидкость.

Вот когда смогла я узнать, сумею ли поднять ее!

Ну что ж, кажется, смогла. Правда, не совсем уж целиком на руках, но все-таки, держа на весу, я оттащила ее подальше от опасного бассейна и пристроила в кресле, заботливо принесенном кем-то прямо на сцену.

Изольда стонала, как умирающая, просила воды и слабо обмахивалась ослабевшей рукою.

Миша ползал на коленях:

– Богиня! Принцесса! Ну прости дурака! Не рассчитал. Чего хочешь проси! Любую казнь назначь! Все стерплю...

Но несмотря на повинную речь, невооруженным глазом было видно, что Миша дурачится, и у меня были очень сильные подозрения, что он как раз таки очень хорошо все рассчитал.

«Что это за тип? – недоумевала я, когда все, поняв, что настоящая опасность миновала, засуетились вокруг Изольды. – Ведет он себя, прямо скажем... свободно. А между тем все шпыняют его, обращаются как с половой тряпкой... Сам черт не разберет. Он ведь реально мог укокошить «богиню», перед которой сейчас разыгрывает свою комедию. И, по-видимому, именно это и намеревался сделать... «нечаянно». Не помешало бы порасспросить о нем...»

Между тем едва избежавшая смерти примадонна постепенно приходила в себя, а Чаркин наконец-то убрал с глаз долой ненавистного Мишу. Чуть не под руки отведя его к дверям, он почти вытолкнул неумного шалуна наружу в сопровождении какой-то сказанной вполголоса на ухо рекомендации, по-видимому, не очень поощрительного свойства.

– Ну хоть машину дай, – еще слышались в зале слабые отголоски Мишиных возражений, но вскоре и они потонули в потоке сочувственных возгласов, адресованных Изольде.

– Ах... какая неприятность! И кто бы мог подумать... – говорила раскрашенная тамада. – Сколько существует наш ресторан, никогда ничего подобного... Надеюсь, к нам никаких претензий?

– Нет-нет, что вы, – едва скрывая раздражение после общения с Мишей, говорил Чаркин. – Разумеется, вашей вины здесь нет. Это мы... это у нас тут...

– Но все-таки, если бы этот бассейн не был так близко... – попыталась вставить свое слово Изольда.

– Брось, Иззи, – говорил Земелин, как-то странно не замечавший мизансцен Чаркина с Мишей и активно подключившийся только сейчас, когда тот исчез из поля зрения. – Ты прекрасно понимаешь, что бассейн здесь ни при чем.

– Он становится невыносимым, – сквозь зубы процедила Измайлова, явно адресуя это высказывание только Земелину.

– Ну... что я могу сделать? Сама понимаешь...

– Что ты можешь сделать... Если не можешь избавить меня от дурацких выходов этого идиота, то позаботься хотя бы о том, чтобы они обходились без последствий. Я хочу, чтобы Женя постоянно находилась рядом со мной. Если бы не она... Ты вообще понимаешь, чем все это могло закончиться?

– Иззи, успокойся...

– Успокойся... Тебя бы на мое место.

Обрывки загадочных фраз снова заставили меня насторожиться и подумать о том, что отношения в этой богемной тусовке совсем не так просты, как может показаться на первый взгляд. У меня накапливались разные интересные вопросы, и сейчас, когда я еще не знала ответов на них, для успешного выполнения моих профессиональных обязанностей требовалась полная концентрация внимания.

Поэтому в полном соответствии с пожеланиями Изольды я и сама уже решила не отходить от нее ни на шаг, чтобы в случае возникновения какой-нибудь новой неожиданности мне не пришлось с места в барьер кидаться на защиту.

А неожиданности, похоже, здесь еще будут.

Между тем приезжая дива снова заняла свое место за столом, но о выступлении, разумеется, не было уже и речи. По специальной просьбе Изольды рядом с ней поставили стул для меня, принесли прибор и, думая, какой завистью сейчас загорелась бы тетя Мила, я восседала «рядом с самой Измайловой», неспешно дегустируя вычурные ресторанные блюда.

Красивая тамада еще раз, уже в микрофон и официально, выразила свои соболезнования и принесла извинения, сказав, что следующий номер, возможно, поможет развеять отрицательные эмоции, которые возникли у гостей после этого неприятного инцидента.

Следующим номером оказался некий нарочито простоватый юноша, очень коротко остриженный, как будто бы нарочно для того, чтобы заметнее была лопухость, специальностью которого, по всей видимости, было острить со сцены.

Произнеся пару плоских шуток по поводу приезда «землячки», юноша принялся читать монолог, основным достоинством которого было то, что во время этого чтения ничто не мешало гостям общаться друг с другом, говоря о своем.

Изольда тоже не особенно прислушивалась, обсуждая с Земелиным какие-то организационные вопросы, касающиеся гастролей.

Досадный инцидент, произошедший в самый разгар праздника, заметно снизил общий тонус, все как-то потеряли интерес и целиком и полностью сосредоточились на процессах еды и питья.

Наконец Изольда, сославшись на усталость и завтрашнюю репетицию, стала прощаться. Для вида ее недолго поговаривали «еще немного побыть с нами», но дива была непреклонна и, пожелав всего хорошего и пригласив всех на концерты, удалилась в сопровождении собственной свиты и толпы провожающих.

Раздав последние воздушные поцелуи, Изольда, а вместе с ней и мы наконец устроилась в лимузине, и тут все дали волю эмоциям.

– Сукин сын... – зло цедил Земелин. – В порошок сотру!

– Толечка, с этим нужно что-то решать, – голосом обиженного ребенка говорил Чаркин. – Миша невозможен. И зачем ты поселил меня с ним? Это... это... я не знаю... жестоко, в конце концов!

– Ничего, неделю как-нибудь вытерпишь. При тебе, может, хоть как-то... хоть чего-то остерегаться будет.

– Ничего он не будет! Только нервы все истреплет... напрасно. Снял бы ему отдельный номер... там... с ребятами где-нибудь...

– Ты же знаешь, он требует только люксы.

– Он требует... Почему я ничего не требую?

– Правда, Толик, это уже чересчур, – вступила Изольда. – Он ведь... я ведь... это все ведь закончиться могло... летально.

– Но не закончилось же, – как-то, на мой взгляд, несколько грубовато оборвал Земелин.

– Да, не закончилось! – с надрывом проговорила Изольда. – Благодаря Жене. А если бы ее не было?! Ах... я даже думать не хочу. Женя, ты ночуешь у меня в номере, это даже не обсуждается, – решительно проговорила она.

– Да? – как-то странно взглянул Земелин. – А я где ночую?

– А ты... где хочешь. У тебя свой номер есть. А хочешь, вон с Мишей поживи. Вместо Макса. А то хорошо устроился... и нашим и вашим. Он, значит, только руководит, а как в дерьме валяться...

– Иззи, я рассержусь.

Изольда моментально смолкла и, надув губы, уставилась в тонированное стекло лимузина, в котором, учитывая двенадцатый час ночи, она могла видеть только свое прекрасное отражение.

Лишь поднимаясь в гостиничный номер в предвкушении удобной кровати и крепкого сна, я почувствовала, как устала сегодня. Рукопашная схватка с поклонниками, странные отношения между Измайловой и ее окружением, в которых я пока не ориентировалась, что, конечно, не могло не напрягать, и наконец под занавес – неожиданное для меня самой спасение клиента из горящих вод, – все это как-то дало о себе знать разом, навалившись на плечи тяжелой глыбой, и мне действительно захотелось отдохнуть.

Но день еще не закончился, и, помня свои профессиональные обязанности, я взяла у портье ключ, чтобы первой зайти в номер.

Видимо, учитывая мои рекомендации, сотрудники гостиницы позаботились о том, чтобы в отсутствие Измайловой в номер никто не заходил, поэтому, когда мы вернулись, в нем не были включены осветительные приборы. Уходили мы днем, тогда в дополнительном освещении нужды не было, и теперь я открыла дверь в крошечную тьму номера, где не горело даже ни одного ночника.

Не успев сделать и шага, я услышала какие-то странные шаркающие звуки, и через секунду из непроглядной тьмы на меня полетело что-то еще более черное, сверкающее только полными злобы глазами и оскалом обнаженных белоснежных зубов.

Увернувшись от массивных лап, я присела, отчего собака, пролетев надо мной, неуклюже плюхнулась на пол. Я, молниеносно выхватив укрепленный на голени нож, вонзила его в горло уже вновь готовившемуся к атаке псу.

В отличие от номера, в коридоре освещение было вполне приличным, и можно было ясно разглядеть лежащего в луже собственной крови огромного ротвейлера.

Изольда, оторопело молчавшая все несколько секунд, которые занял инцидент, обрела голос и заверещала так, что слышно было, наверное, на противоположном краю нашего славного города.

Одна за одной распахивались двери в коридор, и из них выскакивали перепуганные, заспанные люди, не понимающие, в чем дело. Выбежал из номера Чаркин, вышел Земелин, а знаменитая певица все вопила что есть мочи, не в силах успокоиться.

– Иззи, ну все, все... – говорил Земелин, обнимая ее за плечи и пытаясь завести в крошечную тьму люкса, в котором так и не был включен свет. – Все закончилось. Женя, посмотрите там... все в порядке?

Но в руководящих указаниях я не нуждалась. Истерика Изольды наконец разрешилась рыданиями, она склонилась на плечо к Земелину, орошая слезами белоснежную рубашку, и, придерживая обнявшуюся парочку на пороге, я обошла и внимательно осмотрела номер, врубив на полную мощность все имевшиеся в наличии светильники.

Но похоже, кроме ротвейлера других неожиданных гостей у нас не было.

– Все чисто, можете проходить, – сообщила я, снова выйдя в коридор и застав там растерянного парня с ресепшена, тоже прибежавшего на крик.

Он-то и был мне нужен.

– Кто впустил сюда собаку? – тоном, не сулившим ничего хорошего, начала я.

– Собаку? Какую собаку?

– Вот эту, – указала я на лужу крови.

– Эту? – оторопело посмотрел парень. – Я не знаю... я только вечером заступил...

При мне никто не входил...

– В самом деле? Так что же она – из воздуха соткалась? Кстати, не кажется, что не мешало бы прибраться здесь?

– Да... конечно... обязательно... Я сейчас позвоню...

– Мы съезжаем немедленно! Немедленно!! – кричала из номера уже обретшая дар речи Измайлова.

– Иззи... бу-бу-бу... – слышались успокаивающие басовые интонации.

– Но это невозможно!

– Бу-бу-бу...

– Меня чуть не убили!

– Бу-бу... бу-бу-бу...

Между тем юноша уже исчез из поля зрения, и на его месте вскоре появилась тетенька с ведром и шваброй, а также еще один мужчина, по-видимому, охранник, но уже другой, не тот, что дежурил здесь утром. Он нес большой кусок черного полиэтилена. Завернув в него труп ротвейлера, он удалился с этим трофеем в неизвестном направлении.

Тетенька вытерла кровь, и вскоре в коридоре восстановились тишина и покой, и только из номера Измайловой время от времени доносились редкие всхлипы.

Деликатно постучав, я вошла, застав трогательную сцену – Он и Она на диване, доверчиво склоненная на плечо голова и мужественная рука, ласково глядящая смоляные локоны.

– Э... э... э... Извините, что побеспокоила вас, но я бы хотела выяснить по поводу... Изольда что-то говорила о том, что хочет съехать отсюда... Уже первый час ночи... Может, лучше перенести на завтра?

– Нет-нет, не беспокойтесь, Женя, никаких переездов. Устраивайтесь, спокойно отдыхайте. Вы можете занять любую из свободных спален. Иззи, хочешь, я тоже останусь? – неприлично ласково проговорил Земелин.

– Нет... нет, иди. Я устала. Страшно устала сегодня. А завтра еще эта репетиция... Это – здесь, а что в театре будет? Я даже представить боюсь...

– Не накручивай себя. Уверен, эта собака – просто недоразумение. Ну, перепутали что-то, дали не те ключи...

– Перепутали... хороша путаница! Нет, я тебе говорю – это она. Она все подстроила. И завтра...

– Перестань. Только сама себя изводишь. Все уже закончилось, в номере безопасно, и тут твой телохранитель. Так что бояться нечего.

– Да, разве что... телохранитель. Я уж не знаю, кому молиться, что заранее позаботилась об этом. Догадалась. А то... не знаю, что и было бы со мной...

– Не сочиняй. Выпей таблеточку и поспи. Завтра все мы должны быть в форме.

По-видимому, не желая в моем присутствии демонстрировать порывы чувств, Земелин по-дружески чмокнул Изольду в щечку и ушел к себе в номер.

– Женья, я в ванную, – рассеянно проговорила Изольда. – Ужасный день...

Пока моя подопечная плескалась в ванной, смывая с себя отрицательные эмоции, я раздумывала над тем, под каким соусом выведать у нее, в чем же состоит подоплека всех этих загадочных взаимоотношений, кто такая «она», какова во всем этом роль Миши и чего Изольда действительно опасается. Пока мне приходилось действовать вслепую, и не было никаких гарантий, что очередная «приятная неожиданность» не обернется какой-нибудь неприятностью с последствиями.

Я села на диван и, как-то машинально взяв в руки пульт, включила телевизор. Там шли последние новости.

Невнимательно слушая рассказ про политические события и техногенные катастрофы, я все думала о своем, пока не услышала шуршание махрового халата и не увидела разомлевшую и порозовевшую Изольду, выходящую из ванной.

– Уф-ф... Хорошо!

В халате и с тюрбаном из полотенца на голове крутая Изольда превратилась в обыкновенную, средней руки тетку, ничем не отличавшуюся от миллиона таких же.

«Хорошо, что тети Милы сейчас здесь нет», – подумала я, а вслух сказала:

– С легким паром.

– Спасибо, Женечка. После ванны как будто рождаешься заново. Никаких бед, никаких треволнений... Ну-ка, посмотрим, что у них здесь...

Изольда открыла холодильник, и я удивилась, что после плотного ужина в ресторане она еще хочет есть. Но вскоре выяснилось, что ее интересовало другое.

– Нет. Ничего интересного. Одна дрянь, – резюмировала она, осмотрев содержимое и решительно захлопнув дверцу. – Женья, подай мне вот ту вон сумку... если несложно...

Расслабившись после ванны, Изольда, по-видимому, незаметно для себя самой перешла на «ты», и я сочла момент благоприятным для душевного разговора.

Каково же было мое радостное изумление, когда я увидела, что из «вот той вон» сумки моя подопечная достает не что иное, как бутылку дорожущего, весьма приличного коньяка, увеличивая стократ мою уверенность в том, что теперь-то разговор пойдет как по маслу.

– Давай-ка неси стаканы, – по-свойски подмигнула мне дива, отвинчивая крышку. – Там где-то должен быть шоколад...

Достав из бара пузатый, богемского стекла бокал и прихватив шоколадку, я сложила все это на столик перед Измайловой, деликатно отказавшись от спиртного.

– Мне нельзя, я при исполнении.

– А-а-а... – понимающе протянула Изольда. – Ну тогда... не знаю, шоколадку, что ли, поешь. Кофе себе сделай.

Я достала из холодильника апельсиновый сок, нашла какое-то печенье и, понемногу отпивая и закусывая, «аккомпанировала» Изольде, неспешно и с полным знанием дела дегустирующей коньяк в сочетании с небольшими кусочками шоколада.

Я переключила канал, и теперь огромная плазма на стене демонстрировала какой-то научно-познавательный фильм, и тихие успокаивающие звуки как нельзя более способствовали достижению моей тайной цели.

– Напряженный выдался денек, – начала я, когда широкое дно пузатенького бокала в третий раз окрасилось в коричнево-золотистый цвет.

– Да-а-а... Хотя... в общем-то, я ожидала чего-то подобного, но... признаюсь, не в такой степени.

– То есть у вас есть основания опасаться кого-то конкретно?

– Ну... как сказать...

Пары коньяка оказывали свое благотворное действие, но тем не менее Изольда еще сохраняла контроль и, прежде чем пуститься в откровенности, пронзила меня насквозь вопрошительно-оценивающим взглядом. Но, по-видимому, вывод был в мою пользу. Может быть, предыдущие события поспособствовали...

– У нас ведь в этот раз выступления в опере, ты в курсе. В прошлые разы, когда я приезжала, организовывали на других площадках. Попроще. А в этот раз Толик решил выпендриться... Я ведь... мы ведь, в сущности, все отсюда. И я, и Толик... и Миша, – каким-то странным тоном дополнила она. – Ну вот. А в опере я начинала. Окончила училище, сходила на прослушивание... ну и взяли. Тогда большой удачей считалось. Как же – государственный театр. Только зланные-то места там давно все заняты были. А нас, вчерашних студентов, так... для подхвата использовали. В массовке хором петь. Ну, поработала я, поработала... да и заскучала. А под гастрологи-то они и раньше заезжим знаменитостям сцену сдавали. Это ведь выгодно. Ну и слышу – Земелин с гастролерами приезжает. Точнее – с гастролерами. Имя это, если ты в курсе, в тусовке давно на слуху, у него несколько проектов было и все удачные. А в тот раз он мальчиков привозил, квартет. Только-только раскручивать его начинал. Попурри из хитов разных лет. Ну, знаешь, нечто вроде сборной солянки из эстрадной классики – гремучая смесь из Битлов и «Бесаме мучо». Но ничего, народу нравилось. А Толик – он сам из этих мест... ну да, я уже говорила. Так вот. Поэтому он своих возил сюда частенько. И для раскрутки хорошо. Ну и так... бабла снять. – Изольда слегка усмехнулась. – И все эти контакты у него налажены невесть с каких времен еще. Он ведь умный, в отличие от нас, наивных. После школы даже раздумывать не стал – сразу в Москву свалил. Ну и обставился, разумеется, не в пример некоторым. Раскрутился, в гору пошел... поймал, короче, струю. Ну а потом других раскручивать стал, бабки качать. А родина-то манит. Так что сюда в первую очередь везет. Ну, вот и с этими мальчиками так же. Привез он их. Стали они репетировать, все как следует. Только смотрю я, продюсер-то наш как бы по сторонам поглядывает. Туда глазуна закинет, сюда... Ну я и подумала – чего теряться-то? Такие шансы на дороге не валяются. Ну и...

– Оприходовала его, – понимающе улыбнулась я.

– Ну, типа того, – усмехнулась в ответ Изольда. – Он тогда солистку искал... ну, это уж я потом выяснила... солистку как раз вот на романсы на эти. Поэтому и косил по сторонам.

– Ну, вот и нашел. И не ошибся, – льстила я.

– Ну да... надеюсь... – играла скромную Изольда. – Только скоро сказка сказывается. Там ведь не одна я была... Кандидаток-то... пруд пруди. Прорваться всем хочется, а Толик – реальный шанс. Если уж к нему в руки попал – успех обеспечен. Проверено. Ну и встряла тут эта Олька.

– Олька?

– Ну да. Ольга Быстрова. Она тоже, вроде меня, после училища на подпевках ходила. А тут догадалась, видать, что хороший куш можно сорвать, и давай к нам лезть. А мужики –

они... сама знаешь. Их только пальцем помани... Ну, в общем, пришлось мне за счастье свое побороться...

– Но ведь – не напрасно? Ведь победа осталась за вами?

– Да ладно тебе, чего ты все «выкаешь»? Давай-ка на брудершафт...

Но от коньяка я снова отказалась, и, скрестив руки, мы синхронно выпили каждая свой напиток.

– Ну ладно, как хочешь, – расслабленно говорила Изольда, наливая пятую порцию. – А победа и правда осталась за мной. Куда ей, этой... Да, впрочем, ладно. Что было, то прошло. Только она-то, похоже, из злопамятных. Я так и знала, что будет мстить. Поэтому и подумала о телохранителе. И видишь – не напрасно. Откуда она взялась, эта собака? Она ведь насмерть загрызть могла... здоровая, как теленок.

– Думаешь, это Ольга подстроила?

– Ну, а кто же еще?! Больше и вариантов нет. Я думаю, и с поклонниками... это она организовала. Все эти нападки...

– Но как она могла зайти в гостиницу? Пробраться в номер... Незаметно это сделать здесь невозможно.

– Ну-у... – саркастически улыбнулась Изольда. – За деньги в наше время все возможно. – Надо будет хорошенько дневную смену потрясти, наверняка они что-то знают.

– Так, значит, из-за этой Ольги ты так настаивала на телохранителе? – вернулась я к начальной теме.

– Ну да. Выступления-то – в опере. А она и сейчас там работает. Мало ли что может... подстроить.

– На подпевках? – вспомнила я презрительное выражение Изольды.

– Ну там... не знаю. Я не интересовалась ее... карьерой.

– Но если она так решительно задалась целью вредить тебе, я не вижу смысла съезжать из гостиницы. Если уж этих подкупила, подкупит и других. Здесь, по крайней мере, не таклюдно. Все всех знают. Контролировать проще. А новое место – новые расходы и, вполне возможно, новые проблемы.

Услышав о расходах, Изольда призадумалась, но, по-видимому, окончательно я ее не убедила.

– Ладно... утро вечера мудренее. Давай-ка спать. А то завтра я вообще... не запою.

Примадонну заметно развезло, но я помнила, что у меня есть еще один невыясненный вопрос, и как бы невзначай поинтересовалась:

– А вот этот... Миша... ты говорила, – он тоже местный?

– Ну да, – непонимающе посмотрела на меня Изольда. – А что Миша?.. Миша как Миша. Его Толик по старой дружбе приютил. Ну и таскает за собой. Надоел уж всем, а куда его денешь...

Последние слова Изольда договаривала, уже закрывая дверь своей спальни, ясно давая понять, что доверительные разговоры на сегодня окончены. Но ее интонации ясно свидетельствовали, что она чего-то недоговаривает и что в отношениях с Мишей имеется некий неизвестный мне подтекст.

«Надо будет все это разъяснить, – думала я, проводя итоговый обход и проверяя надежность замков. – Изольда не хочет слишком подробно комментировать отношения с Мишей, тем больше поводов у меня эти отношения выяснить. Между прочим, интересно было бы узнать, где его номер? Она говорила, что Мишу поселили вместе с Чаркиным...»

Я вспомнила, что на крик Изольды Чаркин выскочил из двери, расположенной с левой стороны от люкса самой примы. Значит, и Миша должен был находиться там. Но он почему-то не появился...

Смутные подозрения, возникшие у меня при самом первом столкновении с этим загадочным персонажем, росли, росла и решимость проверить свои догадки. Наверняка есть еще люди, не понаслышке знающие подоплеку внутренних взаимоотношений в этой эстрадной «семье». Все эти Аллочки-Наташи – должны же они ориентироваться в обстановке.

Завтра, пока Изольда будет репетировать, постараюсь порасспросить обо всем этом. Да и об Ольге этой заодно. Если она и сейчас работает в театре, может, удастся с ней самой пообщаться. Тогда сразу будет видно – она или не она. Завести в чужой номер громадную псину – это вам не шутки. Это и самому недюжинным храбрецом нужно быть. Да еще сделать так, чтобы никто не знал...

Нет, есть во всем этом что-то... непонятное.

3

На следующее утро проспали все, кроме меня.

Не знаю, что делал в своем номере Земелин, но было очень похоже, что причины его опоздания к завтраку аналогичны тем, по которым проспала сама прима.

Когда он появился с подносом, уставленным освежающими напитками, в мутных взорах и помятой внешности ясно читался жесточайший бодун, и что они оба в таком состоянии будут делать на запланированной на сегодня репетиции – для меня лично было неразрешимой загадкой.

Но день только начался, и до репетиции нужно было еще дожить.

Изольда была еще в постели, и чтобы не мешать голубкам в мире и согласии встречать доброе утро, я почла за лучшее удалиться.

Окинув взглядом все так же интимно полуосвященный коридор и убедившись, что в нем нет ничего подозрительного, я стала спускаться вниз по лестнице, с интересом прислушиваясь к новым звукам.

– Это неслыханно!! Кто мог сделать это?! – неслось из вестибюля. – Я оставлял номер закрытым! Кто заходил туда?!

В ответ на возмущенные возгласы доносилось едва слышное смущенное бормотание, и, спускаясь вниз, чтобы понять, что случилось, я думала о том, что у юноши, заступившего вчера на ночное дежурство, видимо, очень жесткая карма. Бедный только и делает, что оправдывается, по-видимому, совершенно не понимая, в чем же он, собственно, провинился.

– ...как это «никого»? – между тем продолжал говорить возмущенный голос, и теперь, уже спустившись вниз, я смогла рассмотреть его обладателя.

Это был довольно молодой, но очень представительный мужчина, очевидно привыкший к тому, что все в этой жизни создано для того, чтобы обеспечивать лично ему комфортное существование.

– Что-то случилось? – деликатно осведомилась я у юноши за конторкой, лицо которого то заливалось краской, то покрывалось мертвенной бледностью.

– Да вот... тут... – невнятно промямлил он.

– А что, вы тоже имеете несчастье проживать в этом дурдоме? – бодро обратился ко мне молодой человек.

– Имею, – спокойно ответила я. – Но почему же – дурдом? По-моему, вполне приличное заведение.

– Мне бы ваш оптимизм. Я, собственно, сначала и сам так думал. Посоветовали друзья, сказали, что контора частная, можно оставить собаку... Позвонил, все объяснил, заранее договорился. И что вы думаете? Сегодня утром прихожу – номер пустой! Кто-нибудь скажет мне, где мой пес?! – снова бешено уставившись в лицо несчастному мальчику, прокричал он.

Судя по этому вопросу, пока еще ему не сказали, а поскольку я не хуже юноши за конторкой знала ответ, то во избежание нового скандала, а также для выяснения возможной причастности нового постояльца к вчерашнему инциденту решила присоединиться к дискуссии.

Выяснилось, что молодой человек, которого звали Андрей Борисович, на три дня приехал в Тарасов, чтобы решить какие-то свои дела и повидаться с друзьями. Ему не с кем было оставить свою собаку, и он заранее договорился, что ее разрешат взять с собой и оставлять в номере, когда сам хозяин будет в отлучке. Транспортировка происходила по всем правилам, в наморднике и при наличии сопроводительных документов, но поскольку Андрей Борисович эту ночь предполагал провести у друзей, он, чтобы напрасно не мучить пса, оставил его гулять свободно, предварительно предупредив, чтобы до его возвращения в номер никто не входил, поскольку собака без намордника и не привязана.

– Вам передавали это? – тоном закоренелого эсэсовца допрашивал он.

– Нет... да... нет... – терялся под пытливым взором бедный мальчик.

– Ну вот! – возмущенно говорил в мою сторону Андрей Борисович. – Вы видите? Именно – дурдом! Как еще это назвать?

Разобравшись, в чем дело, и мысленно согласившись со стойким юношей в том, что всю правду нервному клиенту сообщать вовсе необязательно, я быстро сообразила, как мне следует поступить, чтобы, с одной стороны, снизить накал праведного гнева у сердитого постояльца, а с другой – побыстрее убрать его с глаз долой, пока не появился в вестибюле кто-нибудь из «наших» и не стал, со своей стороны, предъявлять претензии по поводу вчерашнего случая.

– А какая у вас была собака? – с самым невинным выражением поинтересовалась я, уловив быстрый взгляд догадливого юноши.

– Ротвейлер. Великолепный экземпляр, медалист, победитель конкурсов... Вы не представляете, что это был за пес.

– Тогда, хотя мне и очень не хочется вас огорчать, но весьма вероятно возможность кражи. Вы ведь говорили, что собака осталась в номере одна?

– Ну... да. Но... что из этого? Вы, может быть, не расслышали, это – ротвейлер. Такой пес в состоянии постоять за себя.

Можешь даже не говорить. Я еще как расслышала. И расслышала, и увидела... и еще бы секунда-другая – чего доброго убедилась бы на собственном опыте. Одно только спасло – хорошая реакция.

Но вслух я сказала другое:

– Конечно, вы абсолютно правы, если речь идет об агрессивном нападении. Но ведь если собаку хотят подманить, действуют совершенно иначе. Ласка, вкусная пища... На каком этаже ваш номер?

Оказалось, что молодой человек занимал самый крайний номер из пяти люксов, расположенных в бельэтаже, и, в сущности, был нашим соседом по площадке. Понятно, что при желании незаметно перевести пса в номер к Изольде в этих условиях не составляло никакого труда, но вот кто это мог сделать? Андрей Борисович явно не подходил на такую роль.

Не говоря уже о том, что вчера вечером его не было в гостинице, он, по-видимому, и понятия не имел, кто у него в соседях. И даже неинтересно это было ему. На кой бы она сдалась ему, эта Изольда? Тайком возвращаться в гостиницу, лезть в окно, каждую минуту опасаясь, что заметят, переводить пса...

«Нет, вздор, – решила я, еще раз окинув внимательным взглядом возмущенного постояльца. – Гнев здесь совершенно искренний и никаких подтекстов не предусматривает. Если бы он неизвестно с какой целью действительно проделал все это, то наверняка догадывался бы, где сейчас его собака, и вел себя совершенно по-другому. В конце концов, не дурак же он, в самом деле, чтобы так рисковать своим «великолепным экземпляром».

– ...лето, жара, – говорила я параллельно с этими размышлениями. – Ведь у вас в номере были открыты окна, не так ли? Не будете же вы для собаки оставлять кондиционер.

– Кажется... да, кажется, были. Но... там ведь сетки, – уже заметно убавив прыть, неуверенно произнес Андрей Борисович.

– Ну! Что такое сетки. Их даже я могла бы незаметно снять, а уж для опытного... человека...

– Значит, систему безопасности нужно было продумывать, – опять взвиваясь под облака, повернулся он в сторону конторки: – Кто возместит мне убытки? Вы знаете, сколько стоит эта собака?

«Точнее, стоила», – мысленно слегка поправила я, слушая, как догадливый юноша, которому я подсказала лазейку, дрожащим голосом вежливо объясняет, что при форс-мажорных обстоятельствах администрация гостиницы ответственности не несет.

В вестибюль уже спускался Чаркин, и возмущенный Андрей Борисович очень вовремя заявил, что немедленно съезжает из этого дурдома.

Пока решались организационные вопросы по расторжению договоров и возврату денег за непрожитые дни, Чаркин, не обращая внимания на то, что происходит на ресепшене, озабоченно смотрел на часы.

– А, Женя... Ты уже здесь, – по-свойски обратился он ко мне. – Что за черт, сейчас должна подъехать машина, а никого и слыхом не слыхать. Как там Изольда? После вчерашнего пришла в себя?

– Смотря после чего... – неопределенно высказалась я, решив, что если уж у нас отношения такие близкие и доверительные, не стоит скрывать правду. – Стресс снимали коньячком, так что он-то прошел, но, похоже, появилась небольшая новая проблема.

– Понятно... – с досадой проговорил Макс. – На репетиции снова будем слушать, как воют на луну.

Он достал трубку и, нажав вызов, через некоторое время проговорил в нее:

– Изольда? Ну ты как? Пора ехать.

Выслушав ответ, Чаркин буркнул «угу» и, не сказав мне ни слова, вышел на улицу.

Через некоторое не очень короткое время в вестибюле, хрипя и откашливаясь, появилась сладкая парочка. Впрочем, их внешний вид уже отличался от того, каким он был непосредственно после пробуждения. Они выглядели бодрее, взгляды приобрели осмысленность, и складывалось впечатление, что пациенты если уж не опохмелились, то как минимум хлебнули крепкого кофейку.

– Э-э-э... молодой человек... как вас там, – откашлявшись, заговорил Земелин, обращаясь к юноше на ресепшене, который еще не закончил дело с нервным Андреем и, увидев второго участника инцидента с собакой, стоял ни жив ни мертв. – Мы остаемся. Не будем портить вашу репутацию. Хотя случай просто возмутительный, и я настаиваю, чтобы вы выяснили, откуда она взялась, эта...

– Да-да, конечно! – заторопился юноша, не давая Земелину произнести роковое слово. – Мы обязательно все выясним! В самое ближайшее время! Уверен, это просто недоразумение. Можете быть абсолютно спокойны, больше никогда ничего подобного...

Но Земелин и Изольда уже выходили на улицу.

– А-а-а, – язвительно протянул вслед удалившимся нервный Андрей Борисович. – Так, значит, я не единственный, кто столкнулся здесь с «недоразумением»...

Не желая слушать окончание злорадной речи, я тоже поспешила выйти из помещения. Профессиональный долг звал вперед.

Но, повинувшись тому же долгу, я не могла не отметить, что упомянутый Земелиным случай действительно был весьма подозрительным, а главное – опасным, и, в общем-то, я тоже не отказалась бы узнать, кто его подстроил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.